

БОЙЦЫ ЦЕХОВ

(От военного корреспондента «Правды»)

Вот он, чудесный завод, такой знакомый по снимкам и кино. Вся страна строила тебя! Миллионы советских людей с напряженным вниманием следили за твоим рождением, завидуя тем, кто участвовал в героической стройке в низовьях Волги.

Сталинградский тракторный завод—это могучая, полнокровная, буйная юность нашей индустриализации. Каждый из нас живо помнит дни и месяцы его рождения.

Его проект за границей встретили недоверчиво. Юмористические журналы упрямелись, изображая современные машины, приводимые в движение верблюжьей тягой. Солидные газеты удивлялись: большевики взялись не за свое дело. Разве по плечу им строить современную индустриальные гиганты? Большевики уверенно строили, с любовью укладывая каждый куб бетона. Строили и построили. Тогда в газетах за границей поднялся спор: пустят или не пустят, освоят или не освоят. Немецкие технические журналы пренебрежительно фыркали: разве детям волжских бурлаков, таскавших бечевой баржи с солью, подстать современная техника? Переломают машины, пойдут на поклон за границу. Американцы смотрели на вещи иначе: ведь недаром Россия всегда слыла страной чудес. Американцы помогали нам строить этот завод. Скоро тракторы с буквами «СТЗ» бороздили все бескрайние поля нашей родины. Скоро весь мир узнал эти три магические буквы и научился их уважать.

Вот он стоит, завод-гигант. Немецкие снаряды проносятся над головами. Линия фронта недалеко. Но завод живет. Больше того — завод работает, и старый человек с седыми усами, с немецкой трофейной винтовкой за плечами и парой немецких гранат, деревянные ручки которых торчат у него из кармана ватного пиджака, прегрещает путь и сурово требует:

— Пропуск!

Этот человек — старый кадровик завода и участник знаменитой царьцынской обороны Иван Захарович Валиков — вот уже сдвадцатый день на посту, не сменяясь, охраняет проходную завода. Хотели поставить военную охрану, освободить старика, переправить его за Волгу. Он пригрозил дойти «до самого главного военного» и отстоял свое право охранять родной завод. И вот в смену с красноармейцами он несет дежурство, а в свободное время спит тут же, в проходной, свернувшись калачиком на старой шубе. Впрочем, ходить ему некуда. Дом его в поселке семь дней назад спалили немцы. Из будки он видел, как горел его дом, но в этот момент он нес дежурство и не пошевелит поста.

Заводской двор, перерезанный взрывы и вброс линиями путей, пуст. Он весь испещрен, зарыт снарядами. Тамкесты, только что принявшие четыре вышедших из ремонта машины, совершают тоном специалистов:

— К стенкам северным лезетесь. Он с юга лупит.

Впрочем, сами они возятся у своих машин совершенно хладнокровно, хотя именно эта площадка, служившая раньше, очевидно, для опробования сцепных с конвейера машин, особенно туго исклевана рывками разрывов. И вообще я наблюдаю одну характерную черту защитников Сталинграда — большую заботу о других. Человеку, вновь попавшему в город, они дают десятки советов, как ему следует себя вести. Сами же остаются

совершенно равнодушны к чирканью пуль. «Мы, сталинградцы,—народ, от пуль заговоренный», — пошутил краснофлотец на переправе.

В одном из цехов идет горячая работа. Ночью тягачи подтянули с поля боя подбитые машины. Сейчас их спешно ремонтируют. Рядом с военными ремонтниками работают рабочие заводов — сборщики, токари, слесари. Работают молча, сосредоточенно, сурово сдвигнув брови, стараясь всю силу своей воли, всю быстроту своих умных, опытных рук вложить в эту работу. Военный инженер 2-го ранга Герасимов удивляется. Он воюет с начала войны и нигде еще не видел таких темпов. Ремонт, на который полагаются сутки, делают за часы, с мелкими повреждениями управляют буквально в несколько минут.

— Вот эти товарищи,—военный инженер показывает на слесарей Строганова, Зотова и старого мастера Филиппова,—не ложились спать уже трие суток. Вчера я приказал им прилечь. Легли. Но в это время шребльши еще танки. Подожку, вижу — спать с ключами. Я даже рассердился. Упрямый народ. Золотой народ.

У молодых слесарей и у старого мастера лица были черны от раскаленного масла, белки воспаленных от бессонницы глаз сверкали. Когда в дальний угол цеха ударил снаряд и осколки стекла, брызнув, упали им под руки, они даже не оплыгнулись, продолжая возиться в моторе танка.

Филиппов сопровождал меня по цехам. Цехи были пусты. Гром выстрелов троекратно повторялся в пустоте стен. Старый мастер был немногословен. Он только называл цехи.

Только в одном месте, у остова сожженного цеха, его прорвало. Он поднял свои большие, масляные кулаки и шеюство потряс ими, просясь туца, откуда были по заводу немецкие минометные батареи.

— Сволочи, сволочи! — прокричал старик. — Нет, вы скажите мне, чем они, скоты, нам за все это заплатят, какой мерой они будут с нами квитаться за все эти их бесчинства?

Потом мы сели за массивной стеной, защищавшей от пуль и мин, и Яков Филиппович рассказал, как рабочие тракторного вместе с бригадой, принимавшей танки, отбили первые атаки немцев у стен города, как отличился в боях за город рабочий батальон завода, в котором начальником штаба был член Сталинградского совета, преподаватель механического института Пянченко, как героически дрались слесари, токари, фрезеровщики, как, сражаясь за Сталинград, героически погибла девушка-сталевар, любимица сталинградских металлистов Ольга Ковалева. Старый мастер называл их всех — и тех, кто сражается, и тех, кто работает,—бойцами цехов. Бойцы цехов! Здорово сказано.

Уже темнело, когда я уходил с завода. В проходной — молодой красноармеец. Я спросил его: где же Иван Захарович?

Красноармеец сразу погрузился и по распространному лицу его сразу ясно стало, что он еще совсем молодой паренек.

— Умер дядько Иван... час назад убили... осколком. Видите ту воронку — вот от нее осколком. В грудь. Так с винтовкой и рухнул.

И мы сняли пилотки над местом гибели Ивана Захаровича Валикова, «бойца цеха», одного из тысячи героических защитников Сталинграда.

Б. ПОЛЕВОЙ.

Сталинград.